

А. М. Скворцов
СПбФ ИИЕТ им. С. И. Вавилова РАН, Санкт-Петербург, Россия

КЛАССИЧЕСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ В ИНСТИТУТЕ СРАВНИТЕЛЬНОЙ ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУРЫ И ЯЗЫКОВ ЗАПАДА И ВОСТОКА: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Статья посвящена институциональным изменениям, которые переживала специальность «классическая филология» в СССР в 1920-е гг. Вследствие разделения учебных и научных функций университетов в 1919 г. при I Петроградском университете возник Институт им. А. Н. Веселовского, в структуре которого имела классическая секция. В 1923 г. этот институт был преобразован в НИИ Сравнительной истории языков и литератур Запада и Востока, который и просуществовал до 1930 г. В новом учреждении филологи-классики были отнесены к секции древнего и ирано-эллинистического мира (западной подсекции). Главной формой работы здесь явились коллективные проекты, которые осуществлялись действительными членами. Готовившиеся к получению научной квалификации назывались научными сотрудниками 2 разряда. Несмотря на усиление идеологического контроля с середины 1920-х гг., их подготовка зиждилась на традиционных основах. Автор пришёл к выводу, что искусственно создаваемые структуры, каковыми были постоянно изменявшиеся подразделения ИЛЯЗВ, встречались с сформировавшейся на протяжении десятилетий традицией и представлениями, которые сложно было поменять и которые на деле адаптировались к новым условиям.

Ключевые слова: ИЛЯЗВ, аспирантура, РАНИОН, антиковедение, история классической филологии, Богаевский, Малейн, Толстой.

А. М. Skvortsov
S. I. Vavilov Institute for the history of science and technology, RAS,
St. Petersburg, Russia.

Classical philology at the Institute of Comparative History of Literature and Languages of the West and East: an institutional perspective

The article focuses on the institutional changes that classical philology underwent in the USSR in the 1920s. In course of the separation of the educational and scientific functions of universities, the so-called Veselovsky Institute was established at the First Petrograd University in 1919; the new institute included a classical section. In 1923, this institute was transformed into a Research Institute for the Comparative History of Languages and Literatures of the West and East, which existed until 1930. In the new structure, classicists were assigned to the Western Subsection of

the Ancient and Iranian-Hellenistic World Section. The main form of work here were collective projects carried out by the full members B. L. Bogaevsky, I. I. Tolstoy and A. I. Malein. Those preparing for a scientific qualification were known as researchers of grade 2. Despite the increasing ideological control from the mid-1920s onwards, their preparation was based on traditional foundations — primarily reading seminars and presentations followed by discussions. M. S. Altman, J. M. Borovsky, A. V. Boldyrev, A. I. Dovatur and I. M. Tronsky passed through this academic school during the period under study. Dovatur's recollections suggest that it was the informal aspect of teaching that remained in the memory of his generation, not the institutions to which they belonged. The author of the article concludes that artificially created structures, such as the ever-changing sections of the Institute, were confronted with a decades-long tradition and with notions that were difficult to change: the latter just adapted to the new conditions.

Keywords: ILLWE (ILYaZV), postgraduate school, RASRSS (RANION), classical studies, history of classical philology, Bogaevsky, Malein, Tolstoy.

Научно-исследовательские институты при вузах начали появляться в ходе первых реформ советской власти в области высшего образования. Эти структуры явились следствием разделения научных и учебных функций университетов. Согласно Положению НКП от 14 июля 1921 г., научно-исследовательские институты имели целью организацию научно-исследовательской работы в различных областях знаний и подготовку научных и педагогических кадров. Еще одной целью объявлялось научное изучение вопросов, связанных «с государственными потребностями» (ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 14. Д. 147. Л. 2). Другими словами, реформа была направлена на предание научному сообществу институциональных рамок, что позволяло власти усилить контроль за его деятельностью. Последнее осуществлялось за счет ежегодных отчетов, которые следовало посылать в Управление научных учреждений и Главпрофобр. Институт состоял из действительных членов и научных сотрудников. Первые «ведут самостоятельные научные исследования, ... а также выполняют определенные задания, как входящие в план, вырабатываемые Советом Института, так и специально возложенные на них ГУС'ом» (ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 14. Д. 147. Л. 2). Другими словами, первоначально имелась относительная свобода ученых первого разряда в определении индивидуальных исследовательских тем. Впрочем, эти темы должны были пройти стадию утверждения на ученых советах. Мень-

шую самостоятельность имели научные сотрудники, которые набирались из готовящихся к получению научной квалификации, либо из тех, кто уже таковую имеет, но в любом случае они являлись «помощниками» действительных членов. Таким образом, иерархия в научном сообществе, разрушенная отменой ученых степеней и званий в 1918 г., фактически была воссоздана, что свидетельствует о ней как о неотъемлемом элементе внутрикorporативных отношений в ученой среде.

В 1919 г. при факультете общественных наук I Петроградского университета возник Институт им. А. Н. Веселовского, объединивший языковедов и литературоведов. Из обрывочных данных следует, что учреждение делилось на 6 секций: теории и методологии литературы, общелингвистическую, классическую, западно-европейскую, славянскую и восточную. Из 36 действительных членов трое — А. В. Никитский, И. И. Толстой, А. И. Малеин — относились к классической секции. Ф. Ф. Зелинский числился за секцией теории и методологии литературы (ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 14. Д. 147. Л. 4). В конце 1921 г. по классической секции научными сотрудниками I разряда были избраны С. В. Меликова-Толстая, П. В. Ернштедт, Б. В. Казанский, О. О. Крюгер, А. И. Садов, второго разряда — Г. П. Левицкая, Р. Л. Эрлих (ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 14. Д. 147. Л. 9, 13).

Каких-либо документов, проливающих свет на деятельность этого института, не сохранилось. Показательно также, что Зелинский в автобиографии, написанной в 1924 г., даже не упоминает эту структуру, но нам известно, что до своего окончательного отъезда в Польшу в апреле 1922 г. он продолжал с энтузиазмом проводить занятия (Zelinskij 2012: 169–170). Возникновение нового института не привело к изменению характера и проблематики исследований даже после его преобразования в 1923 г. в Научно-исследовательский институт сравнительной истории языков и литератур Запада и Востока. В новой структуре филологи-классики были отнесены к секции древнего и ирано-эллинистического мира (западной подсекции) — такое название соответствовало заявленной проблематике, направленной на компаративные исследования. Заметим, что численность действительных членов по секции древнего и ирано-эллинистического мира уступала лишь секции Славяно-греческого мира и Ближнего Востока (в последнюю секцию входили и специалисты по русскому языку и литературе) и равнялась 1/5 от общего состава, по научным же сотрудникам 2

разряда была на 3-м месте, уступая лишь секциям Славяно-греческого мира и Ближнего Востока, Теории и методологии литературы (см. Таблицу 1). Такое соотношение соответствует ситуации на дореволюционных историко-филологических факультетах университетов, где приоритетное значение получали специалисты по древним языкам и древней истории. Впрочем, важно отметить, что в этой статистике не учитывается разделение сотрудников на штатных и сверхштатных.

Действительными членами института по разряду «Классическая филология» состояли Б. Л. Богаевский, А. И. Малеин, И. И. Толстой. Согласно архивным документам, А. И. Малеин в 1923/1924 гг. предполагал вести работу по спорным вопросам жизни и литературной деятельности древнеримских писателей т. н. Серебряного века, считая, что имеющееся пособие В. И. Модестова 1888 г. устарело; особого внимания должен был заслужить вопрос о влиянии римских писателей на западноевропейскую литературу (ЦГАЛИ. Ф. 288. Оп. 1. Д. 4. Л. 4.). И. И. Толстой планировал исследовать аретологию как литературный жанр, а также религиозные древности Элевсина (ЦГАЛИ. Ф. 288. Оп. 1. Д. 4. Л. 13).

Опора на предшествующую традицию стала важным элементом методологической программы секции древнего и ирано-эллинистического мира. Несмотря на коренные изменения в общественной жизни, ученые в своем отчете за 1923/1924 гг. констатировали, что для успешного развития науки необходим «возможно более полный и точный учет предшествующих достижений», поэтому декларировалось намерение использовать опыт прежних коллективных работ в области описания рукописей, составления словарей, библиографии, семинарских занятий (ЦГАЛИ. Ф. 288. Оп. 1. Д. 9. Л. 1). На основании этого было предложено несколько коллективных проектов. Б. Л. Богаевский руководил занятиями по изучению греческих ораторов в связи с вопросами религии Древней Греции, что, по словам Я. М. Боровского, явилось продолжением семинара Ф. Ф. Зеллинского (Borovskij, 2009: 407). В коллективной теме Богаевского участие принимали научные сотрудники 2 разряда института, как штатные, так и внештатные (не получающие жалование): А. Н. Егунов занимался Исократом, А. В. Болдырев — Демосфеном, И. М. Троцкий — Эсхином, А. И. Доватур — Динархом, Р. В. Шмидт — Ликургом, С. Я. Хортик — Гиперидом (СПбФ АРАН. Ф. 302. Оп. 2. Д. 33. 4). И. И. Толстой возглавил коллективную работу по изучению античной сказки

и храмовых легенд. В эту группу входили И. И. Соколов, С. В. Меликова-Толстая и И. А. Орбели (ЦГАЛИ. Ф. 288. Оп. 1. Д. 4. Л. 24 об., 32 об.).

Развивались и папирологические штудии под руководством В. Н. Бенешевича. Изучением этих документов занимались также П. В. Ернштедт (подготовил к изданию коптские папирусы и изучал греческие папирусы арабской эпохи из собрания Лихачева), С. Я. Лурье (папирусы, относящиеся к еврейскому населению эллинистического и римского Египта, отрывки из Антифонта), И. М. Тронский (фрагменты Алкея и Сапфо), О. О. Крюгер (эллинистические папирусы), И. А. Орбели (грузинские рукописи), А. В. Болдырев, А. И. Доватур (ЦГАЛИ. Ф. 288. Оп. 1. Д. 4. Л. 28 об. — 29, 32 об., 38, 45, 51 об.).

Б. Л. Богаевский с 1925 г. возглавил коллективную работу по изучению отражений земледельческих культур в античной религии, В. В. Струве — по этническому составу Средиземноморской культуры по памятникам античности и Древнего Востока, в рамках которой Б. Л. Богаевский изучал эфиопов в литературной традиции античного мира, вопросы отношения ливийцев к культуре Египта и Крита, Б. В. Казанский специально изучал вопрос об иберах (ЦГАЛИ. Ф. 288. Оп. 1. Д. 4. Л. 11, 29). Наконец, А. И. Малеин руководил коллективным проектом по обследованию рукописей, привлекая молодое поколение к этой источниковедческой работе. Так, в 1926/1927 гг. Троцкий работал над хранящемся в Публичной библиотеке списком Колумеллы, Шангин — Секста Эмпирика, Пиндара и Эсхила, Сервия, Элия Аристида (ЦГАЛИ. Ф. 288. Оп. 1. Д. 28. Л. 39 об.). Итогом исследования А. В. Болдыревым одного из списков «Дифференций» Исидора Севильского» стал доклад, который позволил получить ему научную квалификацию и преподавать в университете (Borovskij 2009: 406). Научную квалификацию в ИЛЯЗВ приобрел и Я. М. Боровский, подготовивший «диссертацию» по «скучной» (по его собственному признанию) теме «Об одной рукописи Вергилия по списку Публичной библиотеки». К этой теме после получения квалификации он больше никогда не возвращался (Botvinnik 2009: 11).

Нельзя сказать, что идеологическое воздействие не ощущали на себе сотрудники института. Например, на одном из отчетных собраний как о *будущей* задаче говорилось о необходимости осмысления полученных выводов с помощью метода диалектического материализма, однако за языковыми и литературными «фактами» признавалась «относительная само-

стоятельность в развитии идеологии и надстройки», в качестве рекомендации (sic!) еще даже в 1925 г. давались советы отдельным сотрудникам по более частому применению в своих исследованиях метода диалектического материализма (ЦГАЛИ. Ф. 288. Оп. 1. Д. 4. Л. 96 об.). Такие формулировки позволяют делать вывод об относительной свободе исследователей ИЛЯЗВ в определении своего предмета изыскания. И действительно в отчетах первых лет существования института сотрудники разделяли свои работы на коллективные и индивидуальные (последние не проходили утверждения на ученом совете). Кроме того, в разработанной для научных сотрудников 2 разряда программе организации работы в ИЛЯЗВ специально оговаривалось, что программа в каждом конкретном случае должна строиться на принципе индивидуализации и специализации, рекомендовалось избегать энциклопедизма (ЦГАЛИ. Ф. 288. Оп. 1. Д. 3. Л. 28).

Действительно тематика работ была крайне разнообразна. Б. Л. Богаевский в середине 1920-х гг. готовил к переизданию свою «Земледельческую религию Афин», собирал материал для книги по истории земледелия в Древней Греции, И. И. Толстой написал книгу «Из истории античного жречества», а также занимался вопросами риторической топики и полемики у теоретиков риторического искусства до Аристотеля, С. В. Меликова-Толстая изучала древнегреческую научную терминологию, С. Я. Лурье — деятельность Писистрата и античную общественную мысль, А. И. Доватур — стихотворения Солона и «Афинскую политику» Аристотеля как исторические источники, И. М. Тронский — элегическую и буколическую тонику и Катулла, А. В. Болдырев готовил доклад «Зерно граната в гомеровском гимне Деметры» (ЦГАЛИ. Ф. 288. Оп. 1. Д. 9. Л. 11, 20, 32 об., 38, 42 об., 45, 51 об.).

В 1925 г. в СССР происходят кардинальные изменения в сфере организации науки. Создается РАНИОН, который отныне под своей эгидой объединит все институты, ведущие свои исследования в области общественных наук (Ivanova, 1968: 85–121). Функции и назначения отдельных научно-исследовательских институтов изменений не претерпели, однако их планы, отчеты и сметы стали рассматриваться и утверждаться в Президиуме Ассоциации, то же самое касалось и кандидатов в аспиранты (ЦГАЛИ. Ф. 288. Оп. 1. Д. 17. Л. 5), что означало дальнейшую централизацию системы.

В том же 1925 г. «ввиду неувязки в работе специалистов языковедов и историков литературы» признано необходимым образовать в ИЛЯЗВ два больших отделения — отделения языка и отделения литературы. Во главе первого был поставлен Н. Я. Марр, второго — Н. С. Державин (ЦГАЛИ. Ф. 288. Оп. 1. Д. 6. Л. 46). Заметим, что в отделении языка соседствовали секции индоевропейского языкознания и яфетического языкознания, а филологи-классики были отнесены к секции древнего ирано-эллинистического мира отделения литературы. Подразумевалось, что новая структура позволит более четко формулировать отдельно для литературоведов и языковедов общую тематику исследований теоретического характера вне зависимости от специализации, а соответственно, активнее поднимать методологические вопросы. Именно с этими изменениями А. В. Десницкая связывала развертывание деятельности ИЛЯЗВ и установление тесной связи с Яфетическим институтом (Desnickaya 2003: 27). Последнее, впрочем, во многом объясняется тем, что почти все сотрудники Яфетического института были одновременно и сотрудниками ИЛЯЗВ. Предложение о создании в институте двух больших отделений исходило, по всей видимости, от Н. Я. Марра, который считал неправильным говорить «по старинке египтолог, коптолог» и что «есть специализация по языкам, но не по теоретической дисциплине: лингвистика, литературоведение» (ЦГАЛИ. Ф. 288. Оп. 1. Д. 16. Л. 17–17 об.). Тем самым он подчеркивал общность теоретической базы у литературоведов и языковедов вне зависимости от выбранной для изучения эпохи. Этим обосновывалось и коллективное начало в организации работы института.

С этого же времени стала нарастать бюрократизация и формализация процесса обучения аспирантов. Согласно протоколу от 21 октября 1925 г., отчеты А. В. Болдырева, Я. М. Боровского, А. И. Доватура, И. М. Троцкого признаны неудовлетворительными по причине «крайнего сужения программы занятий до одного какого-либо вопроса», а также слишком кратких отзывов руководителей (ЦГАЛИ. Ф. 288. Оп. 1. Д. 15. Л. 8–9). Из всех филологов-классиков лишь отчет М. С. Альтмана зачли. Заметим, что главой аттестационной комиссии являлся Н. Я. Марр, который и был научным руководителем Альтмана. После внесения правок (по предложению Марра), подразумевающих не «формально-сравнительное», а социологическое и палеонтологическое изучение заявленных в прог-

рамме вопросов, отчеты Боровского и Доватура также зачи (ЦГАЛИ. Ф. 288. Оп. 1. Д. 15. Л. 40).

Вхождение института в РАНИОН привело к сокращению аспирантов. В 1926 г. на ИЛЯЗВ оказалось выделено только 9 вместо прежних 19 мест, причем, требовалось сократить число сверхштатных аспирантов (не получающих жалование), которые отныне не должны были составлять более 50% от штатных. Учитывая, что в разряде сверхштатных числилось значительно больше, чем штатных (см. Таблицу 3), такое предписание означало массовое отчисление молодых кадров.

Директор ИЛЯЗВ Н. С. Державин указывал на бюрократические трудности в работе аспирантуры, а именно на несогласованность действий учреждений, утверждающих научных сотрудников 2 разряда: часто кандидаты института, получившие одобрение от научно-методического совещания при Главнауке, не получали допуск от Научно-политической секции ГУС (ЦГАЛИ. Ф. 288. Оп. 1. Д. 15. Л. 34–34 об.). Известны следующие цифры: из 19 претендентов в 1926 г. ГУС отказал 9-ти. Причем, на вид ставили требования, не известные заранее, одним из которых являлось предоставление законченной письменной работы (ЦГАЛИ. Ф. 288. Оп. 1. Д. 16. Л. 37–38). Л. Р. Зиндер и Т. В. Строева, обучавшиеся в эти годы, вспоминают, что с включением в структуру РАНИОН прием в аспирантуру института был осложнен: руководство института должно было доказывать перспективность квалификационных работ молодых сотрудников в Ассоциации (Sinder, Stroeва 1999: 208).

Еще в конце 1924 г. в институте в качестве обязательного испытания для научных сотрудников 2 разряда введены предметы марксистского минимума (ЦГАЛИ. Ф. 288. Оп. 1. Д. 6. Л. 4). А с 1926 г. от всех кандидатов на аспирантское место требовалось не только предоставление научного сочинения по предполагаемой теме, которое должно было выявить обстоятельное знакомство с литературой избранной темы, навыки критического исследования источников, но и прохождение испытания по общей теории и методологии марксизма. При выборе темы научных занятий следовало учитывать увязку с нацменьшинствами и «требования практической жизни». Список литературы для абитуриентов предполагал изучение следующих трудов: «Капитал» К. Маркса (т. 1), «Капитал: критика политической экономии Карла Маркса: общедоступное издание» Ю. Борхардта, «Исторический материализм» Н. И. Бухарина, «Основные вопросы марксизма» Г. В. Плеханова,

«Анти-Дюринг» Ф. Энгельса, «Империализм как новейший этап капитализма» В. И. Ленина, «Государство и революция» В. И. Ленина, «Введение в философию диалектического материализма» А. М. Деборина. Для поступающих в ИЛЯЗВ обязательными для ознакомления были статьи по литературе и искусству Г. В. Плеханова, Л. Д. Троцкого, книга «Мировая литература и пролетариат» Ф. Меринга (ЦГАЛИ. Ф. 288. Оп. 1. Д. 17. Л. 10, 13). Заметим, что в списке значатся не только «большевистские» авторы, что означало отсутствие четко выработанной догматики и вариативность в интерпретации положений марксизма. А. Дмитриев совершенно справедливо писал о «пустотности» марксистского канона в 1920-е г. (Dmitriev 2002: 21), следствием чего явились многочисленные дискуссии в институте, о чем, в частности, вспоминают Л. Р. Зиндер и Т. В. Строева. Именно отсутствием четкой методологии мемуаристы объясняют огромное количество споров в то время «в защиту чистоты марксистских позиций и строгого приложения их к лингвистическому материалу» (Sinder, Stroeve 1999: 206). На примере изучения раннего христианства в 1920-е гг. О. В. Метель показала, как наука 1920-х гг. использовала труды критика большевиков и «рenegата» К. Каутского (Metel' 2016: 107–130).

В архивах сохранился типовой план работы аспиранта по античным литературам секции древнего и ирано-эллинистического мира, который подразумевал получение трех зачетов по основной области знания, двух зачетов по двум смежным областям (вероятно, таковыми могли стать средневековая и византийская литература), по одному зачету по литературе второго античного языка, прикладным дисциплинам (эпиграфике, палеографии, папирологии, нумизматике, археологии), родственному вопросу из другой (желательно современной) эпохи. Предполагался методологический семинар и специальное исследование на частную тему по окончании срока обучения (ЦГАЛИ. Ф. 288. Оп. 1. Д. 15. Л. 29). Марксизм постигали не через лекционную форму занятий, а именно через семинары, которые предполагали чтение трудов «классиков» и доклады, связанные с вопросами использования этого учения в филологии, что подразумевало в известной степени творческий подход и возможность более глубокого освоения теоретических положений. Были организованы семинары по социологии литературы (руководитель — Г. Е. Горбачев), диалектическому материализму (руководитель — М. В. Серебряков), палеонтологии

языка (руководитель — Н. Я. Марр) (ЦГАЛИ. Ф. 288. Оп. 1. Д. 15. Л. 49, 59). Марксистский минимум должны были сдавать все аспиранты, в том числе и предыдущих лет поступления. Тщетны оказались попытки А. Н. Егунова освободиться от этих испытаний под предлогом зачисления в институт до 1926 г. (ЦГАЛИ. Ф. 288. Оп. 1. Д. 15. Л. 80).

Такой план, с одной стороны, предусматривал углубленную подготовку специалиста по определенной эпохе, но с другой, предполагал тематический выход на другие периоды истории литературы, что позволяло расширить кругозор и поставить новые проблемы, найти нестандартные решения в рамках разрабатываемых тем. Принцип построения программы соответствовал и основному исследовательскому методу института — сравнительно-историческому.

В производственном плане на 1927/1928 гг. просматриваются попытки сформулировать исследовательские темы в связи с основными тенденциями развития науки 1920-х гг., актуализировать античный материал, тем самым доказав жизнеспособность своей дисциплины. Показательна в этом смысле тема «Изучение отражений земледельческой культуры в языке и фольклоре Древней Греции». Руководитель этой темы Б. Л. Богаевский резко противопоставлял в это время себя «старой» школе Ф. Ф. Зелинского, позиционируя свой подход как единственно верный, согласующийся с марксистским учением: «В противоположность взглядам главы ленинградской классической филологии проф. Ф. Ф. Зелинского, ограничивавшего область изучения государственными культами и традицией, идеализированной мифологией высших классов, Б. Л. Богаевский [неразборчиво] раскрыть подлинную народную религию Древней Греции как часть мировоззрения низов в его живой связи с бытом» (НА ИИМК РАН. Ф. 49. Д. 649. Л. 9). Этот отзыв о научной деятельности Богаевского написан Б. В. Казанским около 1929 г., однако, не приходится сомневаться, что сам Богаевский отредактировал его, внося некоторые резкие тезисы, позволившие наиболее ярко и выпукло представить свои достижения.

С коренизацией и развитием форм национальной автономии в 1920-е гг. в СССР связано появление темы «Этнология в древнем мире» (руководитель В. В. Струве). Желанием продемонстрировать практическую значимость антиковедческих штудий обусловлено еще одно направление — работа по описанию латинских и греческих рукописей ленинградских архиво-

хранилищ (руководитель А. И. Малеин). Рукописи изучали также и в папирологическом кружке (руководитель О. О. Крюгер). Проблематика жанрового своеобразия античной традиции специально разрабатывалась в рамках темы «Изучение литературной преемственности» (другое встречающееся название — «Изучение литературной эволюции и рудиментов») (руководители И. И. Толстой и В. В. Струве). В связи с предстоящим юбилеем одного из представителей материалистической философии Демокрита было организовано исследование античной науки (руководитель — С. Я. Лурье). Наконец, под влиянием марризма возникло направление «Гомер и яфетическая теория» (руководитель Б. Л. Богаевский) (ЦГАЛИ. Ф. 288. Оп. 1. Д. 39. Л. 8). Приведенный перечень тем позволяет установить, что ведущими специалистами по классической филологии в Ленинграде во второй половине 1920-х гг. считались Б. Л. Богаевский, А. И. Малеин и И. И. Толстой. Первый из них, имея не подходящее для высокопоставленного человека в советское время прошлое, старался всячески показать свою лояльность властям, борясь с «правой профессурой» в университете и даже занимаясь доношением (Krikh, Popova 2018: 32). О. М. Фрейденберг в своих воспоминаниях характеризует Богаевского как склочника, тщеславного и завистливого человека, но с широкими интересами и идеями (Braginskaya 2006).

Молодое поколение филологов-классиков, закончивших университет в первые послереволюционные годы — А. В. Болдырев, Я. М. Боровский, А. И. Доватур, И. М. Троцкий — являлись участниками коллективной темы Толстого (к ним же примыкала и С. В. Меликова-Толстая). Они же — за исключением Доватура — исследовали рукописи под руководством Малеина (здесь же был В. Н. Бенешевич). Практически все сотрудники секции древнего ирано-эллинистического мира были заняты в разработке темы Б. Л. Богаевского (кроме названных выше, здесь числились Е. Г. Кагаров, В. В. Струве, Б. В. Казанский, М. Шангин, М. С. Альтман, Р. В. Шмидт). Папирусные фрагменты осваивали В. Н. Бенешевич, В. В. Струве, П. В. Ернштедт, С. Я. Лурье, Ю. П. Францов, А. И. Малеин, Б. Л. Богаевский, И. И. Толстой. Наконец, Гомером в связи с яфетической теорией занимались В. В. Струве, И. Г. Франк-Каменецкий, И. И. Мещанинов, О. М. Фрейденберг, М. С. Альтман, Р. В. Шмидт (ЦГАЛИ. Ф. 288. Оп. 1. Д. 39. Л. 8). Основной организационной формой работы были заседания групп, на каждом из них читался доклад, после чего происходило обсуж-

дение выдвинутых тезисов. Одно из архивных дел позволяет увидеть за отчетами о количестве проведенных заседаний реальное положение дел. Оно содержит десяток разрозненных бумаг — черновиков, относящихся к 1930 г., но авторство которых установить затруднительно. Среди них есть записка, сделанная карандашом, вероятно, руководителем одной из секций ИЛЯЗВ, где прочитывается следующая фраза: «Мечты: слишком много заседаний — слишком мало людей», и ниже: «раздробленный коллектив» (СПбФ АРАН. Ф. 302. Оп. 1. Д. 272. Л. 11 об.). Желание «поднять» фундаментальные темы, по-новому осмыслить традиционные для науки вопросы ограничивалось недостатком кадров. Статистические материалы Таблицы 3 позволяют увидеть тенденцию увеличения числа сверхштатных сотрудников в годы существования института. Их работа не оплачивалась, но, вероятно, рассматривалась как испытательный срок, после которого имела надежда на зачисления в штат. Поэтому, по свидетельству современников, разделение сотрудников на штатных и нештатных проявлялось только в получении/неполучении жалования, на степени же активности в исследованиях, проводимых институтом, это не проявлялось (Sinder, Stroeva 1999: 208).

Коллективный характер проводимых работ призван был, по словам историка высшей школы Ш. Х. Чанбарисова, уничтожить «кустарность» в подготовке кадров, «персональные школы», «широту научного подхода и идеологическую выдержанность» (Chanbarisov 1973: 18), однако на деле широко сформулированные исследовательские темы не ограничивали в выборе сюжетов для изучения. Научные сотрудники 2 разряда, как и требовалось, выступали с докладами на заседаниях секции, но показательно, что, вспоминая о своем становлении как ученых, они зачастую не называют институт, где это происходило, а рассказывают именно о своих учителях и о тех неформальных семинарах, которые они проводили — именно эти занятия в действительности явились для молодых филологов-классиков школой науки. Так, А. И. Доватур после окончания университета в 1922 г. поступил в ИЛЯЗВ под руководство И. И. Толстого, который не стремился ограничивать молодых людей в выборе области исследования. Разнообразие интересов профессора позволяло ему быть не формальными, а реальным руководителем. По субботам раз в две недели Иван Иванович устраивал у себя на квартире семинар, где постоянно присутствовали С. В. Меликова-Толстая,

С. Я. Лурье, А. Н. Егунов, И. М. Тронский, М. С. Альтман и А. И. Доватур. Общая тема занятий сформулирована была довольно широко «Изучение формы произведений античной литературы». Там происходило чтение докладов с дальнейшим обсуждением (НИА СРБИИ РАН. Ф. 17. Оп. 1. Д. 242. Л. 19–20). В связи с воспоминаниями об А. Н. Егунове (1968 г.) А. И. Доватур отмечал, что в 1920-е гг. все молодые филологи-классики посещали также домашние семинары С. А. Жебелева и А. И. Малеина. У первого читали Аристофана, «Реторику» Аристотеля, Фукидида, Лукиана, у второго — Лукреция, Марциала, Петрония (НИА СРБИИ РАН. Ф. 17. Оп. 1. Д. 242. Л. 19–20). Свой путь лингвиста с изучения классических языков начинала в ИЛЯЗВ С. Л. Быховская (в 1922–1926 гг.), ученица Н. Я. Марра, в будущем известный кавказовед и исследователь баскского языка [Zelikov 2005: 287–291].

Чтобы представить структуру занятий аспиранта-классика ИЛЯЗВ, обратимся к итоговому отчету А. И. Доватура за 1926 г. В центре его внимания была греческая историография как литературный жанр и методы работы греческих историков на материалах Аристотеля. Для этого Доватур изучал Геродота, Фукидида, фрагменты политий Аристотеля и логографов, Плутарха, стихотворения Солона и взгляды Саллюстия на греческую историографию. Эти штудии вылились в доклад о фрагменте 485 Аристотеля, а также в заметку о влиянии стихотворений Солона на историческую традицию. В области реалий молодой аспирант специально изучал государственный строй Афин V в. до н. э. и организацию Первого Афинского морского союза. Для изучения языка Геродота Доватур работал над ионическими и аттическими надписями, в семинаре А. И. Малеина занимался критикой текста — «Афинской политики» Аристотеля и трактата Колумеллы, участвовал в переводе романа Ахилла Татия, в семинаре по чтению прозаиков и поэтов у С. А. Жебелева, вульгарной латыни у А. И. Малеина, бытовой истории у С. Я. Лурье (ЦГАЛИ. Ф. 288. Оп. 2. Д. 71. Л. 23). Очевидно, что занятия у готовившихся стать научными сотрудниками были насыщенными. Помимо совершенствования в древних языках и выполнения основного исследования, приходилось участвовать и в коллективных проектах, которые редко соприкасались с основной тематикой. Кроме того, не всегда удавалось изначально стать штатным сотрудником и получать жалование от института. Так, Я. М. Боровский и А. И. Доватур стали таковыми только с 1924 г. (поступили в

1923 г.). Первый из них в своем наиболее раннем отчете прямо пишет: «Малая продуктивность объясняется тем, что состоял вне штата и не имел возможность посвящать научной работе достаточно времени» (ЦГАЛИ. Ф. 288. Оп. 2. Д. 41. Л. 4 об.). Но даже и перевод в штатные сотрудники не обеспечивал достойного существования. Н. М. Ботвинник сообщает, что Я. М. Боровский в 1920-е гг. параллельно работе в ИЛЯЗВ служил сотрудником иностранного отдела в «Ленинградской правде», читал и переводил иностранные газеты. Там же работал С. Я. Лурье, Адр. Пиотровский (Botvinnik 2009: 10).

В 1927/1928 гг. во многом под влиянием дискуссий и требований социологических обобщений в структуре Отделения литературы появляются две секции: исторической поэтики и международного литературного обмена. В рамках первой из них реализовывалось направление античной поэтики (руководитель — Б. В. Казанский, участники: О. М. Фрейденберг, О. О. Крюгер, М. Шангин, М. С. Альтман), второй — тема «Вергилий в России (200-летие со дня рождения Вергилия)». Причём, программа по изучению Вергилия была согласована с международным комитетом во Флоренции (руководитель — А. И. Малеин, участники: Е. Г. Кагаров, И. М. Троцкий, Я. М. Боровский, А. И. Доватур, Г. А. Гуковский) (ЦГАЛИ. Ф. 288. Оп. 1. Д. 39. Л. 8, 41).

Структурные изменения в ИЛЯЗВ происходили постоянно. Они явились следствием внутривластной борьбы и дискуссий на высшем уровне. Этими явлениями объясняется неопределенность отношения власти к ученым и относительная свобода в научном творчестве в 1920-х гг. (Ladynin 2016: 12). Последние структурные изменения в ИЛЯЗВ связаны с планами 1928 г. по укрупнению секций, следствием чего явились межсекционные комиссии и научно-вспомогательные учреждения (кабинеты и лаборатории) для выполнения определенных научно-исследовательских работ. Индивидуальная работа допускалась при этом как исключение. Основной и практически единственной становилась коллективная работа. Приоритетными объявлялись темы, учитывающие практику социалистического строительства. Так, были созданы кабинет древнего источниковедения во главе с Б. Л. Богаевским и О. О. Крюгером, комиссия древнего мира во главе с В. В. Струве и Б. Л. Богаевским (ЦГАЛИ. Ф. 288. Оп. 1. Д. 39. Л. 57, 65, 72). Были намечены и темы для будущих исследований комиссии древнего мира на 5 лет: 1. Греко-восточные литературные отношения (авантюрный

сюжет, сказка, роман; восточные темы в античной литературе, мифе и фольклоре; возникновение и эволюция жанров; взаимоотношение восточных и античных литературных явлений) (организаторы — В. В. Струве, И. И. Толстой); 2. Палеонтология и социология эпоса (организаторы — Б. Л. Богаевский, О. М. Фрейденберг, Б. В. Казанский) (СПФ АРАН. Ф. 302. Оп. 1. Д. 270. Л. 9). Но этим планам не суждено было сбыться. Вступившая в свою активную фазу индустриализация страны, культурная революция требовали исполнения новых задач по наращиванию работ прикладного характера и непосредственного участия в культурном строительстве. В 1930 г. ИЛЯЗВ прекратил свое существование.

При исследовании реформ в области науки 1920-х гг. следует учитывать, что они происходили после событий 1917 г, коренным образом изменивших уклад страны. Новые советские чиновники считали, что изменения во всех сферах общественной жизни, в том числе и культурной, можно совершить быстро, приняв соответствующие директивы. Порой уже самого по себе факта новизны, могущего якобы сломать прежнюю систему, было достаточно для обоснования реформ, за которыми стояли приверженцы нового социального строя. Но искусственно создаваемые структуры и институциональные рамки для научного творчества наталкивались на сформировавшиеся десятилетиями традиции и представления, которые сложно было поменять и которые на деле адаптировались к новым условиям.

Таблица 1. Численный состав ИЛЯЗВ на 1923 г.
(по: ЦГАЛИ. Ф. 288. Оп. 1. Д. 4. Л. 29)

Секция	Действительные члены	Научные сотрудники 1 разряда	Научные сотрудники 2 разряда
Теории и методологии литературы	5	20	14
Общелингвистическая	4	12	5
Древнего и ирано-эллинистического мира	12	9	11
Романо-германского мира	4	2	9
Славяно-греческого мира и Ближнего Востока	26	35	30
Среднеазиатская, индийская и дальневосточная	8	3	4

Итого	59	81	73
-------	----	----	----

Таблица 2. Персональный состав ИЛЯЗВ по разряду «Классическая филология»

Год	Действительные члены		Научные сотрудники 1 разряда		Научные сотрудники 2 разр.	
	штатные	нештатные	штатные	нештатные	штатные	нештатные
1924 г. (по: ЦГАЛИ. Ф. 288. Оп. 2. Д. 6. Л. 7. 35).	Богачевский Б. Л., Маленн А. И., Толстой И. И.	Соколов И. И., Бенешевич В. Н. Крюгер О. О., Ернштедт П. В., Меликова-Толстая С. В., Садов А. И.	Казанский Б. В., Крюгер О. О., Ернштедт П. В., Меликова-Толстая С. В., Садов А. И.	Пиотровский А. И.	Быховская С. А., Болдырев А. В., Боровский Я. М., Альгман М. С., Троцкий И. М. (прикомандиро- ванный)	
1927 г. (по: ЦГАЛИ. Ф. 288. Оп. 2. Д. 19. Л. 11)	Богачевский Б. Л., Маленн А. И., Соколов И. И., Толстой И. И.	Кагаров Е. Г., Ляпунов Б. М.	Ернштедт П. В., Казанский Б. В., Крюгер О. О., Фрейденберг О. М., Троцкий И. М.	Меликова-Толстая С. В., Пиотровский А. И., Троцкий И. М.	Болдырев А. В., Боровский Я. М., Доватур А. И.	Залесский Н. Н.

Таблица 3. Движение личного состава ИЛЯЗВ

год	д.ч.		н. с. 1 разряда		н. с. 2 разряда (аспиранты)		Приком.	Окончившие аспирантуру
	шт.	сверх.	шт.	сверх.	шт.	сверх.		
1922/1923	28	3	20	8	17	32	10	
1923/1924	30	4	26	29	19	33	14	13
1924/1925	31	4	29	49	22	51	15	8
1925/1926	31	13	30	59	13	56	22	4
1926/1927	31	15	30	64	18	33	22	4

Пояснения к таблице: д.ч. — действительные члены; н. с. — научные сотрудники; шт. — штатные научные сотрудники; сверх. — сверхштатные научные сотрудники; приком. — прикомандированные.

Литература

- Botvinnik, N. M. 2009: [Ya. M. Borovskij]. In: *Borovskij Ya. M. Opera philologica*, (ed.) A. K. Gavrilov et al. St. Petersburg: Bibliotheca classica Petropolitana; Dmitrij Bulanin, 9–14.

- Ботвинник, Н. М. 2009: Я. М. Боровский, в: *Боровский Я. М. Opera philologica* / Подг. изд. А. К. Гаврилов и др. СПб.: Bibliotheca classica Petropolitana; Дмитрий Буланин, 2009, 9–14.
- Borovskij, Ya. M. 2009: [Alexander Vasilyevich Boldyrev]. In: *Borovskij Ya. M. Opera philologica*, eds. by A. K. Gavrilo et al. St. Petersburg: Bibliotheca classica Petropolitana, Dmitrij Bulanin, 405–412.
- Боровский, Я. М. 2009: Александр Васильевич Болдырев, в: *Боровский Я. М. Opera philologica* / Подг. изд. А. К. Гаврилов и др. СПб.: Bibliotheca classica Petropolitana; Дмитрий Буланин, 405–412.
- Braginskaya, N. V. 2006: [Between witnesses and judges. Remark about the book: V. M. Alpatov. Voloshinov, Bakhtin and Linguistics. M.: Languages of Slavic cultures, 2005]. URL: <https://archive.ph/20130417105517/http://ivgi.rsuh.ru/article.html#selection-229.0-247.46>. Date: 20.03.2023.
- Брагинская, Н. В. 2006: Между свидетелями и судьями. Реплика по поводу книги: В. М. Алпатов. Волошинов, Бахтин и лингвистика. М.: Языки славянских культур, 2005. URL: <https://archive.ph/20130417105517/http://ivgi.rsuh.ru/article.html#selection-229.0-247.46>. Дата посещения: 20.03.2023.
- Chanbarisov, Sh. H. 1973: [*Formation of the Soviet university system. (1917 – 1938)*]. Ufa: Bashkirkoe knizhnoe izdatel'stvo.
- Чанбарисов, Ш. Х. 1973: *Формирование советской университетской системы. (1917–1938 гг.)*. Уфа: Башкирское книжное издательство.
- Desnickaya, A. V. 2003: [Linguistic Institutes of Leningrad in the History of Soviet Linguistics of the 20s – 40s.], publ. by A. V. Zhugra. In: *ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA*. Vol. 1, ch. 1, 13–40.
- Десницкая, А. В. 2003: Лингвистические институты Ленинграда в истории советского языкознания 20–40-х гг. / Публ. А. В. Жугры. *ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA*. Т. 1, ч. 1, 13–40.
- Dmitriev, A. 2002: [“Academic Marxism” of the 1920s – 1930s and the History of the Academy of Science: Case of A. N. Shebunin]. In: *Novoe literaturnoe obozrenie*, 54(2), 29–60.
- Дмитриев, А. «Академический марксизм» 1920–1930-х гг. и история Академии: случай А. Н. Шебунина, в: *Новое литературное обозрение*, 54 (2), 29–60.
- Ivanova, L. V. 1968: [*At the origins of Soviet Historical Science (training of Marxist historians in 1917–1929)*]. Moscow: Mysl'.
- Иванова, Л. В. 1968: *У истоков советской исторической науки (подготовка кадров историков-марксистов в 1917–1929 гг.)*. М.: Мысль.
- Krikh, S. B., Popova, A. A. 2018: [Evil Science: An Unpublished Review by B. L. Bogaevsky]. In: *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya «Istoricheskie nauki»*, 4 (20), 31–38.

- Крих, С. Б., Попова, А. А. 2018: Злая наука: неопубликованная рецензия Б. Л. Богаевского, в: *Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки»*, 4 (20), 31–38.
- Ladynin, I. A. 2016: [Features of the Landscape (How Marxist was the “Soviet Antiquity”?)]. In: *Vestnik Universiteta Dmitriya Pozharskogo*, 2 (4), 9–32.
- Ладынин, И. А. Особенности ландшафта (Насколько марксистской была «советская древность?»), в: *Вестник Университета Дмитрия Пожарского*, 2 (4), 9–32.
- Metel', O. V. 2016: [The quest of the «classic» in soviet historiography of the early christianity in the 1920s–1930s: F. Engels against K. Kautsky]. In: *Vestnik Universiteta Dmitriya Pozharskogo*, 2 (4), 107–130.
- Метель, О. В. 2016: «Поиски классики» в советской историографии первоначального христианства 1920–1930-х гг.: Ф. Энгельс против К. Каутского, в: *Вестник Университета Дмитрия Пожарского*, 2 (4), 107–130.
- Sinder, L. R., Stroeve, T. V. 1999: [Institute of Speech Culture and Soviet Linguistics of the 20s – 30s], publ. by L.V. Bondarko, в: *Yazyk i rechevaia deyatelnost'*, 2, 206–211.
- Зиндер, Л. Р., Строева, Т. В. 1999: Институт речевой культуры и советское языкознание 20–30-х годов, publ. Л. В. Бондарко, в: *Язык и речевая деятельность*, 2, 206–211.
- Zelikov, M. V. 2005: [The linguistic heritage of S. L. Bykhovskaya as an important link in the historical and typological research of Russian Linguistics], in: *Lingvistika v gody vojny: lyudi, sud'by, sversheniya. Materialy vserossijskoj konferencii, posvyashchennoj 60-letiyu pobedy v Velikoj Otechestvennoj vojne*, ed. by N. N. Kazanskij. St. Petersburg: Nauka, 287–292.
- Зеликов, М. В. 2005: Лингвистическое наследие С. Л. Быховской как важное звено историко-типологических исследований отечественного языкознания, в: *Лингвистика в годы войны: люди, судьбы, свершения. Материалы всероссийской конференции, посвященной 60-летию победы в Великой Отечественной войне* / Отв. ред. Н. Н. Казанский. СПб.: Наука, 287–292.
- Zelinskij, F. F. 2012: [Autobiography], transl. A. I. Ruban. In: *Drevnij mir i my: Klassicheskoe nasledie v Evrope i Rossii: Al'manah*, 4, 46–197.
- Зелинский, Ф. Ф. 2012: Автобиография, пер. с нем. А. И. Рубана, в: *Древний мир и мы: Классическое наследие в Европе и России: Альманах*, 4, 46 – 197.